

ЗАПИСКИ

ПО

НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

ПРОТОІЕРЯ ІОАННА ОКВОРЦЕВА.

• **КІЕВЪ.**

Въ типографіи Губернскаго Управленія.

1869,

Съ разрѣшенія Духовной Цензуры. Кіевъ. 1 іюня 1869 года.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

БЮГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Протоіерей Іоаннъ (Михайловичъ) Свворцевъ, нвъ воспитанниковъ санкт-петербургской духовной академіи 2-го курса, былъ наставникомъ философій въ кievской духовной академіи съ 1819-го (годъ ея преобразованія), по 1845-й годъ, а чтеніе лекцій, не по долгу наставника, а по свободному изволенію, согласно желанію начальства, безмездно продолжалъ по 1849-й годъ. Въ первые четыре года онъ одинъ преподавалъ въ академіи всѣ, положенныя академическимъ уставомъ, философскія науки, то есть какъ самую т. н. *Систему философій*, въ составъ которой входили: опытная психологія, логика, метафизика и нравственная философія, такъ и *Исторію философскихъ системъ*. Но въ 1823 году, когда, по окончаніи перваго академическаго курса, назначенъ былъ въ помощь ему, по классу философій, одинъ изъ воспитанниковъ этого курса (Карлъ Грузинъ), онъ оставилъ за собою преподаваніе одной только Системы философскихъ наукъ, предоставивъ преподаваніе Исторіи философій своему помощнику; и съ этого времени, уже до самаго конца профессорской службы своей въ академіи, неизмѣнно преподавалъ почти всѣ, входившія тогда въ систему философій, философскія науки (за исключеніемъ *Опытной психологіи*, преподаваніе которой съ 1832 г. поручено было особому третьему наставнику, и одного отдѣла нравственной

філософії, т. н. *естественнаго права*, преподаваніе котораго въ 1836 г. возложено было на наставника по Исторіи філософії).

Такимъ образомъ онъ былъ первымъ по времени и въ теченіи болѣе четверти вѣка главнымъ наставникомъ философіи въ кievской духовной академіи, по ея преобразованіи. Подъ его руководствомъ и вліяніемъ получили философское образованіе четырнадцать курсовъ академическихъ воспитанниковъ; да и всѣ, безъ исключенія, бывшіе и существующіе наставники философіи въ кievской духовной академіи, были и есть—или его непосредственные ученики или ученики учениковъ его...

Какъ профессоръ, занимавшій столь долгое время катедру философіи въ академіи и занимавшійся изученіемъ и преподаваніемъ философскихъ наукъ съ постоянно равнымъ усердіемъ и искреннею, теплою расположенностію, онъ обладалъ глубокими и основательными познаніями во всѣхъ отрасляхъ философіи; развитый и укрѣпленный самостоятельнымъ, аналитико-критическимъ изученіемъ древнихъ и новыхъ философскихъ системъ, большею частію въ оригинальныхъ текстахъ ихъ, умъ его былъ въ высшей степени остръ и проницателенъ, гибокъ и изворотливъ, равно силенъ и въ анализѣ и въ критикѣ и діалектикѣ; а обогащенное разнообразными, большею частію самыми точными и вѣрными представленіями изъ много-различныхъ областей человѣческаго знанія (онъ основательно зналъ и науки математическія, и физическія, и историческія, и богословскія), воображеніе его было настолько живо и подвижно, что во всякое данное время могло, по требованію разума, доставлять ему обширный и разнообразный матеріалъ для умственныхъ соображеній, объясненій и приложеній.... При всемъ томъ философскія лекціи, читанныя имъ въ академіи, и въ самую даже цвѣтущую пору его молодости (насколько вѣрно оставшееся

III

въ академіи преданіе), не отличались особенно ни обширною и многостороннею философскою ученостію, ни особенною широтою и многообъемлемостію воззрѣній, ни тонкими діалектическими извитіями мысли, ни обширными и глубокими анализами, словомъ—не имѣли въ себѣ ничего *блестящаго*, съ непосредственною силою дѣйствующаго на воображеніе и чувство слушателей... Онъ не былъ, да какъ по умственному, такъ особенно по нравственному характеру и настроенію своего духа, а наконецъ и по самымъ педагогическимъ началамъ своимъ, и не хотѣлъ быть, что называется, *блестящимъ профессоромъ*.

Но не имѣя въ себѣ ничего блестящаго, чтенія его, въ замѣнъ того, отличались другого рода, гораздо болѣе цѣнными, особенно въ наставникѣ философіи, достоинствами: необыкновенною ясностію и опредѣленностію понятій, здравомысліемъ и благонадежною твердостію сужденій, основательностію и строгою послѣдовательностію выводовъ и умозаключеній, словомъ—*разумностію* или логичностію въ истинномъ и высшемъ ея значеніи.

Этимъ внутреннимъ, логическимъ достоинствамъ его лекцій въполнѣ соотвѣтствовали и внѣшнія, литературныя ихъ качества. Не отличаясь ни особеннымъ изяществомъ и красотою одушевленнаго ораторскаго слова, умѣющаго представлять общія, отвлеченныя понятія разума въ конкретныхъ, чувственно наглядныхъ образахъ,—ни плодовитію рѣчи, посредствомъ многоразличныхъ словесныхъ оборотовъ и изворотовъ умѣющей извивать и видоизмѣнять одну и ту же мысль на разные лады, слово его, напротивъ, всегда было просто и естественно, чуждо всякихъ риторическихъ прикрасть и фразистой философской терминологіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ необыкновенно точно, повѣрно, мѣтко и выразительно, какъ слово въполнѣ обдуманное, всецѣло разумное. Этотъ—разумный характеръ его чтеній выразался наконецъ и въ самомъ произношеніи ихъ, чуждомъ

всякой аффектаціи, ясному, спокойному, медленному и твердому, изрѣзка сопровождавшемуся какимъ либо энергическимъ жестомъ, выражающимъ твердость и благонадежность выражаемаго имъ сужденія, — при чемъ каждое слово, произносимое имъ съ удареніемъ и вѣсомъ, какъ бы врѣзывалось въ умъ слушателей и само собою удерживалось въ ихъ памяти.

Поэтому образовательное вліяніе его лекцій на умы слушателей, хотя оно и не кидалось въ глаза съ перваго взгляда, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности было столько же глубоко, сколько и благотворно. Чтенія его не увлекали ума и воображенія студентовъ по извѣстному направленію мыслей, но за то всегда просвѣтляли ихъ умъ, очищали и проясняли ихъ понятія, приучали ихъ къ ясному, отчетливому и основательному мышленію; они не волновали ихъ чувствъ, не приводили ихъ въ возбужденное состояніе, не восхищали; но за то, выслушиваемыя всегда съ полнымъ и ничѣмъ не волнуемымъ вниманіемъ мысли, они и усваивались ими съ такимъ же яснымъ и полнымъ сознаніемъ, съ какимъ и преподавались имъ. Вообще говоря, умственная пища, которую онъ предлагалъ своимъ воспитанникамъ, была далеко не роскошна, не слишкомъ и разнообразна, и ужъ совсѣмъ не изысканна, но проста, здорова и питательна. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы по этому самому она была слишкомъ легка для студентовъ академіи и дѣйствовала на умъ ихъ разслабляющимъ образомъ; нѣтъ, уже потому самому что она содержала въ себѣ, какъ бы въ извлеченіи, самые питательные для ума ихъ элементы, она всегда имѣла въ себѣ силу достаточнымъ образомъ возбуждать ихъ умъ, и такъ какъ предлагалась имъ всегда въ видѣ сосредоточенномъ, а не разжиженномъ, то, для полного усвоенія своего, всегда требовала отъ пріемлющихъ ее, хотя и не слишкомъ напряженного, но все же значительнаго умственного труда....

и такимъ образомъ дѣйствовала на ихъ умъ сколько возбуждающимъ, столько же и укрѣпляющимъ способомъ.

При томъ же, сообщая своимъ слушателямъ всегда не многое, самое существенное и основное, профессоръ Скворцовъ обыкновенно требовалъ отъ нихъ самихъ многого, и именно, чтобы они не только вѣрно и точно, съ полнымъ и яснымъ разумѣніемъ могли передавать ему (на репетиціяхъ) то, что отъ него приняли, но и сами отъ себя присоединяли къ воспринятому плоды своего собственного размышленія и такимъ образомъ возвращали ему ввѣренные имъ таланты умноженными и приращенными. Въ слѣдствіе этого-то, въ высшей степени разумнаго педагогическаго правила, всегда строго и точно имъ выполняемаго, все сказанное имъ на лекціи должно было не только въ цѣлости сохраняться въ памяти слушателей его, но, дѣятельно разрабатываемое и развиваемое ихъ самостоятельною мыслію, становиться въ нихъ плодотворнымъ зерномъ, приносившимъ обильные и многоразличные плоды...

Чтобы облегчить для студентовъ академіи этотъ умственный трудъ и дать ему должное направленіе, онъ, по окончаніи каждой лекціи, обыкновенно тотчасъ же, не выходя изъ класса, выдавалъ имъ на руки краткій письменный очеркъ ея содержанія (обыкновенно состоявшій изъ одного листа разгонистаго письма), который долженъ былъ служить для нихъ пособіемъ на репетиціяхъ и экзаменахъ. Изъ этихъ-то очерковъ, послѣдовательно и аккуратно выдаваемыхъ профессоромъ, въ теченіи двухъ-лѣтняго академическаго курса философіи, и составлялись т. н. *записки*.

Такъ какъ записки эти, и по содержанію и по формѣ своей, были только сокращенно изложенныя устные его лекціи, то и достоинства ихъ, какъ логическія, такъ и литературныя, были тѣ же, что и устныхъ его лекцій; во всякомъ случаѣ, по этимъ запискамъ можно составить довольно вѣрное понятіе о его лекціяхъ.

Такихъ записокъ по философіи профессоромъ Свородымъ, въ продолженіе 25-ти лѣтней наставнической дѣятельности его въ академіи, составлено было два рода: первоначально, въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ своей службы, онъ преподавалъ философскія науки на латинскомъ языкѣ, какъ преподавались тогда въ академіи и всѣ почти науки; въ соответствии этому и записки по философіи, выдаваемые имъ студентамъ, первоначально составлены были имъ на *латинскомъ языкѣ*. Онѣ написаны были имъ въ первые четыре года его академической службы и служили учебнымъ руководствомъ для студентовъ академіи на репетиціяхъ и экзаменахъ до 1826 года ¹⁾. Но съ 1831 года, по предложенію и примѣру ректора академіи архим. Иннокентія, онъ началъ преподавать философію на русскомъ языкѣ, а потому составилъ для студентовъ академіи новыя, значительно отличающіяся отъ прежнихъ, какъ по объему и содержанію, такъ и по изложенію, записки по философіи — на *русскомъ языкѣ*. (Онѣ гораздо короче латинскихъ, но зрѣлѣе и самостоятельнѣе). Онѣ написаны были имъ, какъ кажется, въ теченіе двухъ академическихъ курсовъ, отъ 1831 по 1835 годъ.

При составленіи какъ тѣхъ, такъ и другихъ записокъ, онъ руководствовался, какъ можно замѣчать при внимательномъ ихъ изученіи, преимущественно сочиненіями тѣхъ нѣмецкихъ писателей по части философіи, которые принадлежали частію къ Лейбнице-Вольфіанской (*Карне, Бауместера, Винклера* и др., системы которыхъ признаны были въ то время и ком-

¹⁾ Въ 1826 году комисією дух. училищъ предписано было всѣмъ наставникамъ академіи, въ видахъ введенія однообразнаго порядка преподаванія философскихъ наукъ, руководствоваться въ изъясненіи философскихъ предметовъ исключительно латинскимъ учебникомъ по философіи *Винклера*, который т. обр. отъ 1826 до 1831 г., въ продолженіе двухъ академическихъ курсовъ, и служилъ дѣйствительно въ кievской академіи единственнымъ руководствомъ по философіи, какъ для наставниковъ, такъ и для студентовъ...

мисією духовн. училищъ надежнѣйшими руководствами при преподаваніи философій въ семинаріяхъ и академіяхъ), а частію жъ Кантовской школь (особенно *Круга*, сочиненія котораго онъ и рекомендовалъ студентамъ академіи первыхъ трехъ курсовъ имѣть настольною книгою при изученіи философій); но руководствовался однакожъ вполнѣ самостоятельно, сохраняя и выдерживая повсюду полную свободу и независимость своего ума—какъ относительно самаго содержанія понятій, такъ и способа ихъ изложенія. Эту умственную самостоятельность, вообще говоря, онъ настолько цѣнилъ и уважалъ какъ въ себѣ самомъ, такъ и въ другихъ, что ни себѣ самому не позволялъ никогда какого либо рабскаго подражанія, заимствования, или необдуманнаго увлеченія чѣмъ бы то ни было словомъ или мнѣніемъ, ни въ другихъ не одобрялъ подобнаго рода умственныхъ подражаній, заимствованій и увлеченій ¹⁾...

На русскомъ языкѣ имѣются записки его по логикѣ и гносеологій, метафизикѣ (умственному мірословію и богословію) и нравственной философій. Всѣ онѣ почти одинаковыхъ достоинствъ.

Въ выраженіе и сохраненіе признательной памяти о продолжительномъ и благотворномъ вліяніи его педагогически-образовательной дѣятельности на развитіе и укрѣпленіе философской мысли въ академіи, академія положила напечатать въ предлагаемомъ сборникѣ, для образчика, *записки его по нравственной*

¹⁾ Этими-то высокоразвитымъ въ немъ чувствамъ любви и уваженія къ самостоятельности объясняется, какъ мы полагаемъ, и то, почему и на лекціяхъ своихъ, объясняя какой либо предметъ, онъ никогда почти не входилъ въ обширныя историческія обозрѣнія различныхъ мнѣній о немъ философовъ, и если касался мнѣнія какого либо философа, то для того только, чтобы или опровергнуть его, или противопоставленіемъ его истинному ученію лучше отъѣнить сущность послѣдняго,—а раскрывая свое положительное ученіе почти никогда не поддѣрживалъ его мнѣніями другихъ мыслителей...., да и вообще говоря, не любилъ щеголять ученостію.

философiи, потому что, при одинаковыхъ логическихъ и литературныхъ качествахъ съ другими записками, онѣ полнѣе и цѣльнѣе выражаютъ какъ умственный, такъ и нравственный характеръ и строй его мыслей; по содержанію своему—общедоступнѣе и, независимо отъ учебнаго ихъ характера, назидательнѣе для большинства читателей, да и по изложенію своему и научной обработкѣ предмета, какъ кажется, еще самостоятельнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ другія его записки. Такъ, по крайней мѣрѣ, если мы вѣрно истолковываемъ этотъ фактъ, понимая ихъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи какъ самъ составитель ихъ, не подвергавшій ихъ послѣ составления ни малѣйшей передѣлкѣ, въ продолженіе болѣе 10-ти лѣтъ, до самаго конца профессорской своей службы, такъ и преміаніи его по каедрѣ нравственной философiи, считавшіе долгомъ рекомендовать студентамъ академіи эти записки въ руководство на репетіціяхъ и экзаменахъ, какъ произведеніе вполне вѣрное и благонадежное, во все время, пока нравственная философiя преподавалась въ академіи.

Д. П.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ПОНЯТІЯ.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ И ГЛАВНЫХЪ ЧАСТЯХЪ ПРАВ-
СТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

А. ОБЪ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ (или необходимыхъ предположеніяхъ) нравственной философіи.

Философія нравственная, излагая законы и правила для нашей воли, разсматриваетъ человѣка, какъ лице, т. е. такое дѣйствующее существо, котораго дѣйствія подлежатъ нравственной оцѣнкѣ или вмѣненію. Но поелику нравственное вмѣненіе предполагаетъ въ существѣ ему подлежащемъ съ одной стороны свободную волю, а съ другой правильный законъ, съ которымъ дѣйствіе первой должно соотнобразяться, то, прежде нежели будемъ разсматривать систему нравственной философіи, мы должны показать—I) существованіе и свойство нашей нравственной свободы, II) существованіе и свойство нравственного закона.

1. О свободѣ нравственной.

1) Въ чемъ состоитъ свобода нравственная, 2) имѣетъ ли ее человѣкъ, 3) какія свойства нашей свободы?

1. Для того, чтобы чья либо дѣйствія заслуживали оцѣнку нравственную, нужно, чтобы производящій ихъ дѣйствовалъ самъ собою, опредѣлялъ себя къ дѣйствию по своимъ представленіямъ, а не былъ приводимъ къ тому силою внѣшнею, какъ машина, или понуждаемъ однимъ слѣпымъ инстинктомъ, какъ животное неразумное. Способность опредѣлять самого себя къ дѣйствию, по представленіи извѣстной цѣли, и такимъ образомъ начинать новый рядъ дѣйствій, не имѣющій необходимой связи съ дѣйствіями предыдущими, есть то, что называется *свободою воли*. Опредѣлять же самого себя къ дѣйствию не иначе можно, какъ избирая изъ многихъ, или, правильнѣе, изъ двухъ противоположныхъ направленій одно, и слѣд. поставляя себя въ срединѣ между двумя нравственными противоположностями (добромъ и зломъ) и потомъ рѣшаясь принять то или другое направленіе воли. Поэтому свободу опредѣляютъ еще такъ: она есть способность поставлять себя въ состояніе безразличное между двумя противоположностями нравственными или избирать одну изъ нихъ.

2. Имѣетъ ли человѣкъ эту способность; можетъ ли онъ самъ себя опредѣлять къ дѣйствию по одному представленію цѣли; можетъ ли поставлять себя въ состояніе безразличія между двумя нравственными противоположностями?

Если обратимся къ сознанию нашему, а не къ умствованіямъ, то не можемъ сомнѣваться въ томъ, что свободная воля дѣйствуетъ въ насъ и внутренно и внѣшно. Мы можемъ начинать свободно размышленіе о томъ или другомъ предметѣ, можемъ продолжать размышленіе свое, кончить его и обратиться къ другому предмету. Мы свободно дѣйствуемъ на тѣло и, сообразно нашимъ желаніямъ, приводимъ его въ движеніе. Правда, въ той и другой области дѣйствій мы встрѣчаемъ много препятствій и неудобствъ; не всегда можемъ продолжать размышленіе, сколько угодно; въ движеніяхъ тѣла также чув-

ствуемъ усталость и не можемъ продолжать ихъ долго: но это показываетъ только то, что воля наша не имѣетъ силы неограниченной, а не то, чтобы она не имѣла никакой свободы.

Нравственное обвиненіе или оправданіе самихъ себя доказываетъ также то, что мы свободны. Мы избираемъ что либо, и если въ избраніи погрѣшили произвольно, потому что не осмотрѣли предмета какъ должно—предались смѣло первому впечатлѣнію, тогда мы обвиняемъ самихъ себя; но если сознаемъ, что погрѣшность наша была неизбежна, тогда не винимъ, не упрекаемъ себя. Это обвиненіе и оправданіе внутреннее необходимо предполагаетъ, что мы имѣемъ способность избирать что либо произвольно, опредѣлять самихъ себя къ дѣйствию и слѣд. имѣемъ свободу нравственную.

Но то, о чемъ столь неопровержимо свидѣлствуетъ намъ наше сознаніе, ниспровергается, повидимому, умствованіями. Причинъ, по которымъ не хотятъ допустить въ насъ свободы, ищутъ:

а) внутри насъ, не только въ чувственныхъ склонностяхъ нашихъ и страстяхъ, которыхъ самовластія въ насъ отрицать нельзя,—но и въ самомъ представленіи того или другаго добра, которымъ возбуждаемся мы къ извѣстному дѣйствию.

б) внѣ насъ—въ воспитаніи, общежитіи, примѣрахъ другихъ, въ родѣ нашихъ занятій, должностей и т. под. обстоятельствахъ, которыя даютъ произвольное направленіе нашей дѣятельности, и

наконецъ в) въ самомъ понятіи о промыслѣ и міроуправленіи Божіемъ, съ которымъ, говорятъ, нельзя согласить свободы нашей. Разсмотримъ, что все это доказываетъ, и чего не доказываетъ.

а) Неоспоримо то, что воля наша встрѣчаетъ множество препятствій въ насъ самихъ, когда мы опредѣляемъ себя къ дѣйствию, требуемому закономъ нравственнымъ; согласимся даже

въ томъ, что въ дѣйствіяхъ, противныхъ этому закону, мы испытываемъ въ себѣ менѣе препятствій: здѣсь помогаетъ намъ превратная наклонность наша къ дѣйствіямъ чувственнымъ и корыстнымъ, а тамъ мы должны сражаться съ этою наклонностію и побѣждать ее. Но все это показываетъ только нечистоту и поврежденность нашей воли, а не отвергаетъ ея свободы. Это значитъ, что свободное начало воли нашей раскрывается въ насъ среди силъ ему противодействующихъ, что оно есть какъ свѣтъ сіяющій во тмѣ, съ которою борется, и какъ начало безсмертной жизни, которое раскрывается среди тлѣнія и непрестанной борьбы стихій. Свободное начало наше можетъ соединяться въ насъ или съ огнемъ страстей, или съ чистымъ пламенемъ любви къ Богу; но собственно оно не есть ни то ни другое: въ насъ всегда есть возможность поставять себя въ срединѣ между двумя противоположностями и соединять волю свою съ тою или другою.

Но какое, говорятъ, тамъ состояніе среднее или безразличное, гдѣ мы всегда опредѣляемся представленіемъ блага лучшаго, хотя бы то и мнимаго? Локкъ замѣчаетъ, что мы слѣдуемъ представленію лучшаго блага и тогда, когда кажущееся добро предпочитаемъ истинному. По устроенію души нашей, говоритъ онъ, лучшимъ благомъ представляется намъ всегда то, которое въ настоящее время доставляетъ намъ большее удовольствіе, и ближайшее благо всегда кажется намъ лучшимъ, подобно тому, какъ ближайшій домъ кажется выше отдаленной горы. Замѣтимъ, что этотъ, подобный оптическому, обманъ, должно относить болѣе къ чувству, нежели къ разуму, который при всей ограниченности своей понимаетъ высшую цѣну блага, хотя бы и отдаленнаго. Изъ этого опять мы заключаемъ, что воля наша повреждена и удалена отъ истинной цѣли своей. Ибо если бы она была въ соединеніи съ высшимъ благомъ, тогда всякое другое благо казалось бы и самому чув-

ству нашему отдаленнымъ, а ближайшимъ—одно благо высшее, подобно тому, какъ представляются всѣ точки внѣ центра въ кругѣ отдаленными тому, кто находится въ самомъ центрѣ. Но это также не лишаетъ насъ свободы, потому что и при удаленіи отъ блага всесовершеннаго мы не лишены способности отлагать на время рѣшимость нашу въ избраніи благъ. Это неопровержимо доказываютъ опыты обращенія на добрый путь самыхъ закоренѣлыхъ злодѣевъ, а также и опыты падевія людей уже много успѣвавшихъ въ добродѣтели. Первое не было бы возможно даже при сверхъестественной помощи, если бы не было въ человѣкѣ свободы, а послѣднее и при чрезвычайныхъ пособіяхъ возможно опять потому только, что у человѣка есть свобода.

б) Внѣшнія обстоятельства дѣйствительно имѣютъ сильное вліяніе на образъ нашихъ дѣйствій. Они могутъ ускорять или замедлять наше усовершенствованіе нравственное. Но могутъ ли они принести въ насъ свободу, если бы мы ея не имѣли, и могутъ ли ее отнять у насъ, когда мы ее имѣемъ? Человѣкъ наилучшимъ образомъ воспитанный, получившій навыкъ въ извѣстномъ родѣ добрыхъ дѣйствій, можетъ всегда постав-
лять себя въ средоточіе свободнаго избранія: оттого получившіе одинаковое воспитаніе часто бываютъ весьма различныхъ свойствъ. Образованіе, примѣры и т. п. даютъ большую силу нашимъ наклонностямъ и измѣняютъ ихъ, но не измѣняютъ нашей свободы, или лучше, измѣняютъ только относительно свободу нашу, т. е. удобность или неудобность дѣйствованія въ томъ или другомъ родѣ дѣйствій, а не самое основное начало свободы, которое всегда остается, какъ безсмертный даръ Божій, неизмѣннымъ. Слѣдуя пріобрѣтеннымъ наклонностямъ, злодѣй выполняетъ губительный планъ свой съ рѣшительною волею; но если отнять у него побужденія, то онъ съ такою же рѣ-